

ка съ глубокимъ гуломъ захлопнулась за нимъ. Онъ съ минуту постоялъ, ошеломленный, удивленно оглядываясь по сторонамъ. Потомъ пошелъ быстро, почти побѣжалъ, вдоль какого то безконечно-длиннаго забора, въ боццѣ котораго выжидалъ уже другой ин-

ноготью выпадая уже всякая ушца. Онь шел, всматриваясь в даль, въ колопахцах тамъ людей, лошадей, въ какую то мѣлкую и въ урду вырѣсу... Онь чувствовалъ, какъ кровь струила въ его жилахъ, сердце какъ будто хотѣло разорваться, въ головахъ погумилъ, въ глазахъ потемнѣло... Готовый упасть, схватился онь за фанерный столбъ, машинально связъ шапку и приникъ горячимъ аромъ изъ холодному желѣзъ... Немного оправившись, онь хотѣлъ было идти, но, едва сдѣлавши шагъ, какъ подкошенный, опустился на землю и залплся слезами. Слезы

гражданин текли изъ глазъ; онъ не утирали ихъ, а закрывши лицо руками, плакалъ самъ не зная о чемъ, и ему было такъ хорошо и легко, и хотѣлось имъ вѣчно сидѣть здѣсь, на сухой землѣ, въ этой глухой, безлюдной улицѣ, и слышать издали этого, едва доходящаго гула жизни и движенія, и плакать, плакать, какъ теперь...

— Такъ просидѣлъ онъ минутой два, но потомъ, какъ то сразу обрванъ все еще катившіеся слезы и отерши руками заплаканные глаза, пошелъ впередъ, улыбаеся, твердою походкою...

— Наконецъ, онъ вошелъ въ болѣе людную улицу. Мимо, въ какомъ то безпорядочномъ хаосѣ, мелькали въѣзды, магазины, зеркаланыя стекла; прохаживающіе поминуту толкали его, и онъ, какъ будто нарочно, улыбаеся, чуть не смѣясь, подставлялъ себя подъ толчки. По улицамъ неслись оканажки, словари люди, поминуту слышались звонки колоколовъ, и все это слышалось въ какой то общій, ошеломляющій, для его отънимающій уха,

гуль. Овѣ временами останавливался, все улыбаясь, сжималъ голову руками и опять шелъ. Ему хотѣлось съѣсть, расколоться, да во всю мочь, такъ что едва удерживался. Извозчики чуть не поминутно приставали къ нему; но онъ, хотя сильно усталъ, не хотѣлъ ѣсть; ему хотѣлось идти,

Наконец, ему захотелось есть. Он заметил, из какой-то посуды

онь замахнул на кухню, то ресторанъ и спросилъ себя объѣдъ. Все его ужасно радовало: и накрытый столъ, и суетающаяся прислуга, и карта, по которой онъ „выбиралъ“ кушанья и то, что разрывалъ онъ самъ, ножомъ— сперва онъ даже какъ то затруднялся брать въ руки ножъ и т. д.

«Поблиздши, онъ закурилъ сигару и принялся пробовать газету. Но газету скоро вывалили изъ рукъ, и онъ началъ рассматривать, приходящую и уходящую публику, прислушиваясь къ разговорамъ. Какое то развлекало, удовлетворяющее спокойствіе разливалось по всему его существу; ничего не хотѣлось, ни объ чемъ не думалось. И странно, послѣ столь долгого, почти абсолютнаго молчанія ему даже не хотѣлось говорить. Такъ сидѣлъ онъ, отъгнувшись на спинку кресла, съ сигарой въ зубахъ, прихлебывая пиво, ничего не думая и съ

„Эпизод“ не представляет ни-

него цельного и законченного. В нем нет ни одного строго выдержанных характеристик. Многие в нем недосказано и производят впечатлительные отрывочных, требующих отделить, набросков, но художественный талант живо чувствуется, не смотря на все случайные погрешности.

ПОВѢСТЬ.

подчас свершает ненасытные влечения
За что? в то они мучают это не
счастливо, безвинное существо? разве
можно виновато, что живет на свете?
И не вытерпела и говорю ему: по-
добитесь Бога каясь вам не стыдно!
Он вас накажет в будущем! а
онк мнѣ въ отвѣтъ, съ яростными
смычками: „Что мнѣ ваше будущее,
настоящее Онъ мнѣ послалъ двухъ
перей въ наказание!“ Это про своихъ
дѣтей!.. а жена его глазами на все
смотря,

— Успокойтесь, успокойтесь! Скажите ох! и, взяв ее руки, поднесете губам: вы замечательная девушка! О, если-бы вы были моей женой!

Она покраснела и с сердцем выпростала руки. Стыдитесь это говорить! Слышнужь, сказала она. Я чужая девушка, а она жена ваша, мать вашего ребенка! а вы при каждом случае готовы поносить ее! — кто виноват, кто она такая?

— Дурное воспитание...

— А вы должны руководить ею, Ефё, она так же молода. Вы не только любите, но и наставляете её в новой жизни! Будь вы другой, сильнее характера, обращайтесь вы с ней лучше, и она была бы другой. И она

и она была от другой, и она взглянула на него потемнѣвшими глазами. До нихъ долетало хлопанье открываемыхъ и закрываемыхъ дверей, голоса покупателей, приващивающихъ, цвѣточницы; въ своемъ углу, въ затворенномъ искусственнымъ цвѣтѣмъ развѣсившемся занавѣсѣмъ, внос-

